

ТРИ
ЛЮН
ПИЯ

ЮН ФОССЕ

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
Ф81

Jon Fosse
TRILOGIEN

Copyright © Jon Fosse
Trilogy

Originally published in Norwegian as *Andvake* (2007), *Olavs draumar* (2012)
and *Kveldsvævd* (2014) by Det Norske Samlaget.

All three books were published together as *Trilogien*
by Det Norske Samlaget in 2014.

Copyright 2014 by Jon Fosse

Published by permission of Winje Agency A/S, Skiensgate 12,
3912 Porsgrunn, Norway

Перевод с норвежского *Нины Федоровой*

Фоссе, Юн.

Ф81 Трилогия / Юн Фоссе ; [перевод с норвежского
Н. Федоровой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 224 с.

ISBN 978-5-04-116807-0

Асле и Алида поздней осенью в сумерках скитаются по улицам Бьергвина в поисках ночлега. Но нигде не рады невенчанным влюбленным, у которых вот-вот родится дитя. Фьорд серебрится в темноте, идет дождь, ребенок толкается у Алиды в животе. Они так устали и так замерзли. В этом мире они не нужны никому, кроме друг друга. И судьба ведет их опасными тропками.

Невероятно глубокая и поэтичная трилогия-притча о любви, преступлении, музыке и смерти.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

© Федорова Н., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-116807-0

Без сна

I

Асле и Алида брели по улицам Бьёргвина, Асле нес на плече два узла со всеми их пожитками, а в руке — футляр со скрипкой, что досталась ему в наследство от отца, от Сигвалда, Алида несла две сетки с провизией, уже несколько часов бродили они по Бьёргвину, искали пристанище, однако нигде устроиться не могли, всюду слышали одно и то же: нет, мы, к сожалению, ничего не сдаем, так им говорили, нет, все, что было, уже сдано, вот и продолжали Асле с Алидой ходить по улицам, стучать в двери и спрашивать, не сдается ли комната, но ни в одном из домов комнаты не сдавались, так куда же им деваться, где укрыться от холода и мрака поздней осени, где-нибудь они, наверно, сумеют-таки найти прибежище, хорошо хоть дождя нет, но скоро, поди, начнется, да и не могут они все время этак вот бродить, и отчего люди не хотят дать им приют, может,

оттого, что видят, Алида-то на сносях, со дня на день родит, это ведь сразу видать, или, может, оттого, что не венчаны они и, стало быть, по-настоящему нельзя их считать мужем и женой да и порядочными людьми тоже, но разве такое с виду заметно, нет, вряд ли, хотя, может, все-таки заметно, ведь должна же быть причина, чтобы отказывать им в приюте, и не венчаны Асле с Алидой не оттого, что не хотели пожениться, не хотели, чтобы священник их повенчал, но как сыскать время и возможность для этого, им ведь не больше семнадцати, и, понятно, нет у них того, что потребно для свадьбы, а вот как только будет, они чин чинном поженятся, со священником, и поваром, и свадебным застольем, и музыкантом, и всем, что положено, ну а до тех пор пусть все остается как есть, да, как есть, в общем-то оно и хорошо, но отчего же никто не хочет дать им пристанище, что с ними не так, может, лучше бы им думать, будто они повенчаны, муж и жена, ведь коли бы они сами этак думали, то и другим наверняка было бы труднее заметить, что живут они во грехе, а теперь вот куда ни стучались, кого ни спрашивали, не найдется ли для них пристанища, никто не желал их приютить, но им не вмоготу уже идти дальше, смеркается, на дворе поздняя осень, темень,

холод, а вскорости, поди, сызнава дождь начнется

Я так устала, говорит Алида

и они останавливаются, и Асле смотрит на Алиду и не знает, что сказать в утешение, они ведь уже столько раз утешались разговором о будущем ребенке, будет ли это девочка или мальчик, вот о чем они толковали, и Алида считала, что с девочками легче, а он считал наоборот, что легче с мальчиками, хотя девочка ли, мальчик ли — все равно они будут рады и благодарны за ребенка, родителями которого вскорости станут, так они говорили, утешаясь мыслями о ребенке, что вот-вот родится. Так и шли Асле с Алидой по улицам Бьёргвина. И до сих пор не больно-то огорчались, что никто не хочет их приютить, в конце концов все как-нибудь уладится, найдется кто-нибудь, у кого есть каморка, где они смогут немного пожить, все непременно уладится, ведь вон сколько в Бьёргвине домов, маленьких и больших, не как на Дюльгье, где всего-навсего несколько усадеб да несколько рыбацких домишек на берегу, она, Алида, была дочкой мамыши Хердис из Пустоши, так они говорили, из маленького двора на Дюльгье, там и росла при мамаше Хердис вместе с сестрой Улиной, папаша-то Аслак уехал и не вернулся, Алиде тогда было три, а ее

сестре Улине пять лет, и Алида даже толком не помнила отца, только голос, до сих пор слышала его, слышала этот ласковый, проникновенный голос, чистый, звонкий, веселый, но это было и все, что осталось ей от папаши Аслака, ведь она не помнила ни как он выглядел, ни другого чего не помнила, только голос, когда он пел, вот и все, что она хранила в памяти от Аслака. А он, Асле, вырос на Дюльгье, в лодочном сарае, где на чердаке устроили вроде как жилье, там он и жил вместе с матерью Сильей и отцом Сигвалдом, до тех пор, пока папаша Сигвалд однажды в неожиданный осенний шторм не сгинул в открытом море, он рыбачил к западу, за островами, и лодка затонула мористее островов, за Большим Камнем. Вот так мамаша Силья и Асле остались в Сарае одни. Но вскоре после того как папаша Сигвалд сгинул, мамаша Силья стала хворать, исхудала, так исхудала, что кости прямо сквозь лицо просвечивали, большие голубые глаза становились все больше и больше, под конец чуть не все лицо заполнили, так казалось Асле, а длинные каштановые волосы ее поредели, истончились, и однажды, когда она утром не встала, Асле нашел ее в кровати мертвой. Мамаша Силья лежала с открытыми глазами, большими голубыми глазами, и смотрела туда, где раньше лежал па-

паша Сигвалд. Тонкие каштановые волосы закрывали почти все лицо. Мамаша Силья лежала мертвая. Случилось это год назад, когда Асле было шестнадцать. И остался он один-одинешенек, со скудным скарбом в Сарае да отцовой скрипкой. Один остался Асле, один как перст, если б не Алида. И когда увидел мамашу Силью мертвой, совершенно мертвой и бесконечно далекой, подумал он об Алиде. О длинных черных ее волосах, о черных ее глазах. О своей Алиде. У него ведь была Алида. Теперь она стала единственным, что у него осталось. Единственным, о чем он думал. Асле поднес руку к холодной белой щеке мамыши Сильи, провел по ней пальцами. Теперь у него больше никого нет, только Алида. Так он подумал. Да еще скрипка. Про нее он тоже подумал. Ведь папаша Сигвалд не только рыбачил, он был вдобавок изрядным музыкантом, много лет играл на каждой свадьбе по всему Внешнему Сигне, и когда случалось устраивать танцы, летними вечерами, опять же играл папаша Сигвалд. В свое время сам он тоже пришел на Дюльгью с востока играть на свадьбе крестьянина, хозяина Лейте, там и повстречал мамашу Сигне, она была в усадьбе работницей и прислуживала на свадебном застолье, а папаша Сигвалд играл. Так вот оба и познакомились. И мама-

ша Силья затяжелела. И родила Асле. А папаша Сигвалд, чтобы прокормить себя и семью, нанялся к одному из рыбаков с морских островов, рыбак этот жил на Большом Камне и в счет платы за труды позволил Сигвалду и Силье поселиться в лодочном сарае, которым владел на Дюльгье. Вот так музыкант Сигвалд стал еще и рыбаком и поселился в дюльгьинском Сарае. Вот так оно было. Так оно шло. А теперь ни папаши Сигвалда нет, ни мамы Сильи. И вовек не будет. Асле же с Алидой бродили по улицам Бьёргвина, и весь их скарб Асле нес на плече в двух узлах, а в руке нес футляр со скрипкой папаши Сигвалда. Темень кругом да холод. Алида и Асле стучались во множество дверей и просили приюта, а в ответ слышали только отказ, нет у них приюта, все комнаты, какие можно сдать, уже сданы, нет, не сдается здесь ничего, незачем это, вот так им отвечали, и Асле с Алидой идут дальше, останавливаются, опять смотрят на какой-нибудь дом, вдруг там найдется угол, но коли отважатся постучать и в эту дверь, то, поди, сызнава услышат все то же «нет», все то же, только ведь все время этак бродить по улицам тоже нельзя, значит, поневоле придется постучать и спросить, не найдется ли какой каморки, но ни Асле, ни Алиде не по сердцу сызнава излагать свою

просьбу и сызнова слышать отказ, мол, в доме и без того полно народу, и прочее в таком же духе; видать, ошиблись они, когда со всем своим скарбом отправились на лодке в Бьёргвин, да только что им было делать — остаться в доме мамыши Хердис в Пустоши, так ведь она не хотела, чтоб они жили у нее, и какое там будущее, ну а если б можно было остаться в Сараяе, они бы остались, но однажды Асле заметил лодку под парусом, что шла к Сараяу, незнакомый парень, примерно в его годах, подплыл ближе, убрал парус, причалил к берегу пониже Сарая и направился к дому, а немного погодя постучал в откидную дверь, когда же Асле отворил, он вошел, прочистил горло и сказал, что теперь он здесь хозяин, отец-то его сгинул в море вместе с отцом Асле, и Сарай надобен ему самому, Асле с Алидой, понятно, жить здесь больше не могут, пускай, стало быть, собирают вещички и ищут себе другое пристанище, так-то вот, сказал он, подошел к кровати и сел подле Алиды, которая сидела там со своим большим животом, и она встала, отошла к Асле, а парень улегся на кровать, потянулся и сказал, что притомился и хочет маленько отдохнуть, так он сказал, Асле посмотрел на Алиду, и оба они прошли к откидной двери, подняли ее. Потом спустились вниз, вышли наружу

и стали возле Сарая. Алида с большим тяжелым животом и Асле

Ну вот, жить нам теперь негде, сказала Алида

и Асле не ответил

Но ведь это его дом, ничего не поделаешь, сказал Асле

Нам негде жить, сказала Алида

Поздняя осень на дворе, темень да холод, и нам нужна крыша над головой, сказала она и они еще постояли, не говоря ни слова

Мне ведь вскорости родить, со дня на день, говорит она

Да, говорит Асле

А деваться нам некуда, говорит Алида

Потом она садится у стены дома на лавку, которую сколотил еще папаша Сигвалд

Надо было убить его, говорит Асле

Не говори так, говорит Алида

и Асле подходит, садится на лавку рядом с Алидой

Убью я его, говорит Асле

Нет-нет, говорит Алида

Просто этак устроено: одни владеют, а другие нет, говорит она

И те, кто владеет, правят теми, кто не владеет, нами, стало быть, говорит она

Пожалуй что так, говорит Асле

И так должно быть, говорит Алида

Пожалуй, говорит Асле

и Алида с Асле сидят на лавке, не говоря ни слова, а спустя некоторое время тот, что владеет Сараем, выходит из дома, говорит, что пора им собирать свое добро, отныне жить здесь будет он, хозяин, и до них ему дела нет, по крайней мере до Асле, Алида же, говорит он, Алида, напротив, может покамест остаться, в ее-то положении, говорит он, через несколько часов он вернется, и к тому времени их, по крайней мере Асле, здесь быть не должно, говорит он и спускается к лодке, а отвязывая ее, добавляет, что съездит к торговцу, а когда вернется, в Сарае должно быть пусто и чисто, нынче он сам здесь заночует, ну, может, и Алида тоже, коли захочет, говорит он, отталкивается от причала, поднимает парус и направляет лодку на север вдоль берега

Я могу собрать вещи, говорит Асле

Я тебе пособлю, говорит Алида

Нет, ступай-ка ты домой, в Пустошь, к мамаше Хердис, говорит Асле

Может, сегодня там и заночуем, говорит он

Может, говорит Алида

она встает и Асле видит, как она идет прочь по берегу, видит коротковатые ноги, круглые бедра, густые длинные черные волосы, вол-